

ПРЕМИЯ КАВЕРИНСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА ИМЕНИ
ОШАНИНА

ОДИН ДЕНЬ

Три новеллы о необратимости

ДМИТРИЙ БОСЯЧЕНКО

Дмитрий Босяченко
Один день. Три новеллы
о необратимости

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25200527
ISBN 9785448555534*

Аннотация

Судьба дарует большинству из нас десятки лет жизни. Но самые важные и необратимые события, после которых человек и его жизнь меняются навсегда, зачастую случаются с нами в один день. Расставание, смерть близкого человека, несчастный случай, принесший инвалидность... «Один день» – это сборник из шести новелл: трогательные и сентиментальные, трагические и светлые истории о любви и вере, зависимости и самопожертвовании, предательстве и искуплении, в которых каждый найдет для себя что-то важное.

Содержание

Ждать	5
1. Обо всём по порядку	5
2. И снова по порядку... не получается	10
3. Два раза	15
4. Всё довольно просто	18
5. Путешествие первое	22
6. Жалость – это камень	30
7. Путешествие второе	33
8. Все повторяется	38
9. Прошлое не умирает	42
10. Письмо	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Один день
Три новеллы
о необратимости**

Дмитрий Босяченко

© Дмитрий Босяченко, 2018

ISBN 978-5-4485-5553-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ждать

*Я буду ждать еще и еще, пока во мне еще есть
силы ждать долго-предолго.*

(Юкио Мисима)

1. Обо всём по порядку

Если говорить начистоту, то больше всего на свете я не люблю ждать.

И больше всего на свете я люблю путешествовать.

Правда путешествовать у меня получается только тогда, когда я нахожусь в ожидании. Можете представить, как меня это бесит!?

Потому что, когда мама дома, мне уже ничего не нужно.

Но обо всём надо по порядку, так говорит мама. Она постоянно твердит, что у меня мысль рассеянная. Это значит, что я прыгаю с одной мысли на другую сам не замечаю как.

Я и книжки также читаю. Не успеваю дочитать одну – начинаю другую. Часто потому, что не терпится начать новую историю, но ещё чаще из-за того, что концовка мне уже известна. Предсказывать конец в принципе не кажется мне сложным. Я записываю свой вариант на листок, а потом спрашиваю у мамы «чем закончилась» интересующая меня

книга. И она отвечает. По моим подсчётам до сегодняшнего дня ответы совпадали на 94,5%! Моя мама свидетель. Она любит читать. И к тому же она филолог по образованию. Мне кажется она прочитала все книжки мира! Или как минимум все те, что есть у нас в шкафу. А их там полным-полно. Не подумайте я не хвастун. Просто опытный читатель.

Короче, из-за того, что случаются истории с предсказуемым финалом, книги я делю на интересные, которые дочитываю до конца и обыкновенные.

Сегодня я проснулся раньше привычного, но мамы уже не было дома. «Странновато» – подумалось мне. Её выходной в магазине – мой праздник. Ведь обычно даже в рабочие дни она помогает мне одеться, умыться, сделать туалет и приносит завтрак. Но бывало и так, что ей нужно было уходить пораньше: на подработку, на дачу летом или за чем-нибудь на дальний рынок, где деревенские продавали по дешёвке продукты, начиная с пяти утра. На этот случай мама оставляла рядом с кроватью тазик с водой для умывания, на столе у кровати – термос, вкусности к чаю и записку навроде:

«С добрым утром, соня!»

Всё было на месте кроме записки. «Странно» – опять подумалось мне.

Я проверил случились ли утренние процедуры. Раньше я ещё мог это контролировать. Потом мог только на половину частично, так сказать. Но в последнее время с этим большие

проблемы. Ну да ладно, не так уж это страшно. Вернее, ко всему привыкаешь.

Перекусил в одиночку.

Поел. Включил телевизор. Новости. Новости спорта. Передачи о том, что надо есть, как готовить и чем лечиться. Ничего не оставалось кроме того, как запустить ноут и закачать какой-нибудь фильм. На фильмы я повернутый. У меня имеется специальный, регулярно пополняемый список фильмов, которые надо успеть посмотреть. Поставил на скачку – «Хладнокровное убийство» 67 года. Успел немного почитать. Несколько книжек и журналов всегда ожидают меня на нижнем ярусе столика, что подле кровати. До них легко дотянуться.

Дж. Барт – «Конец пути». Мне подарила её мама, как всегда обернув в чистое, белое, нетронутое полотно. Она приносит мне по одной-две книжки в неделю, специально обернув каждую обычной бумагой. Обертка нужна сразу для нескольких целей. Ну, во-первых, так сохраняется интрига, рождается сюрприз, ведь ещё какое-то время, уже держа тайник в своих руках, я не знаю что там. Во-вторых, это просто практично – мягкая обложка самой книги не задирается по краям, как сухие листья, не замусоливается, не рвется. И в-третьих, у нас имеется общая игра, вернее увлечение. Прочитав произведение, мы с мамой пишем на чистом листе уже знакомой нам книги собственный вариант её названия, а также делаем иллюстрацию к оформлению в зависимости от по-

лученных впечатлений, оставляя неизменным только авторство. Такое вот баловство.

Прошло сколько-то минут. Долгих. Нудных. И я знаю отчего. Я чувствовал, как подступает ненавистное ожидание.

Ждать.

Ничего не могу с собой поделаться. Когда её нет дольше обычного. Да когда её просто нет.

Такая вот зависимость.

Проверил все социальные сети, почту, форум. При том по несколько раз. Навернул по ним пять виртуальных кругов. Вдруг пока я читал новости «ВКонтакте», кто-то написал мне на мыло. Признаюсь честно – без Интернета я бы совсем двинулся.

Так я скоротал час. Эх, нужно было поспать подольше. До обеда. Провести это время во сне было бы куда интереснее. Знаете ли, сны иногда бывают такими увлекательными. Даже у меня.

Начал смотреть фильм. Не смотреть, а просто пропускать, не моргая, картинки и звуки через себя. Позволять им пройти насквозь, дальше. К соседям. Или на улицу. Потому что, на самом деле, я начал ждать.

Единственным действенным оружием против ожидания является путешествие. Любое путешествие. Даже выдуманное, как бы ненастоящее даже.

Нажав на паузу, я убрал ноут. Приподнял подушку. Приподнялся сам. Как смог, конечно. Уставился в стену, и от-

правился в путь.

Я практикую ментальные путешествия вот уже десять лет. Я открыл их для себя через два года после того, как всё изменилось.

Но обо всём надо по порядку, ведь так?

2. И снова по порядку... не получается

Митеньке.

Моему любимому Сыночку.

Я начну по порядку. С самого начала. Так будет правильнее. И понятнее. Может, тогда ты сможешь понять меня. И, возможно, простить.

Сегодня утром я ушла из дома навсегда. Ушла от тебя. Сбежала. Навсегда. Я больше так не могу. Не могу. У меня ~~разрывается сердце видеть тебя таким.~~ У меня разрывается сердце. Оно тяжелое, как самое страшное воспоминание. Оно будто в гипсе. Я просыпаюсь и чувствую его в груди. Как будто там что-то чужое. Оно тянет меня к земле. Если оно застопорится на ходу – я наверняка упаду головой вниз, как страус)), и никто уже не сможет меня поднять.

Мне хочется вырвать его, избавиться, выбросить на дорогу. Пусть топчут.

Слишком много чувств.

Вспоминала сегодня, как примерно месяц назад, я пришла к тебе в комнату поутру, а ты лежал с лицом мокрым от слез, но не плакал. Не издавал звуков, и казалось, даже не моргал. Ты рассказал мне тогда, что тебе приснился сон.

Ты говорил: «Понимаешь, это был очень явственный сон, почти настоящий, как жизнь. Представь, что я сижу у окна и наблюдаю за небольшой птичкой, которая будто ласточка перед дождем низко летает кругами по двору. Порой она пролетала совсем рядом с домом, с нашим окном, будто играла со мной. Она виртуозно пикировала вниз почти до самой земли, и вдруг вновь поднималась. А потом она взлетела высоко-высоко! И ещё дальше и выше. И я было начал во сне радоваться за нее, ликовать, как будто помог ей вырваться из плена, но когда она превратилась в далекую почти невидимую точку, мне стало страшно. Невыносимо тревожно, как перед бурей, как перед тем самым прыжком в воду... Я понял, что если она улетит, то уже никогда не вернется. Но я не закричал, не попытался ее позвать обратно. Я понял, что так будет лучше, хотя бы для неё так будет лучше и мне нужно сдержаться. Во сне я просто начал плакать, чтобы не осталось дыхания и сил на крик, чтобы он не вырвался сам собой, а может от радости или от горя, но скорее всего от всего сразу!

И вот я сижу один и плачу, смотрю на мою птицу, которая улетает от меня все дальше. Мне больно, но в то же время я счастлив за неё. Я ощущаю улыбку на своем лице, уже не понимая – во сне ли это происходит или наяву. Она улетает. И я просыпаюсь.

А потом пришла ты. Прямо через минуту! Но я ведь совсем не кричал? Не кричал, ведь так?.

– Нет, не кричал, – сказала я, – Ничего, это всего лишь сон, – я не нашла тогда лучших слов.

– Но она ведь вернется, правда? Птицы ведь всегда возвращаются!

Я провела рукой по твоим волосам. Вытерла слезы со щек. И ничего не ответила.

Сегодня ночью мне не суждено было заснуть. Опять слушала твой живот – дышит ли он. Снова терпела, чтобы не подсесть на край твоей кровати и гладить стожок твоих чернящих волос. Знаю, что ты этого не любишь. Любишь, конечно, но стесняешься. Ведь ты уже взрослый.

По порядку не выходит, как всегда. Неправильно получается. Не так, как хотелось бы. И в жизни так...

Помню, как твой Отец целовал мой живот. Разговаривал с тобой, не родившимся ещё. Подсовывал в карманы небольшие записочки. Писал в роддом, когда ты только-только появился на свет. Он говорил в них, что «счастлив», что теперь «жизнь изменится», потому что мы сотворили чудо! Так оно и было. Он говорил, что ты его «маленький кусочек» и что мы «одно целое».

Он смеялся над тем, как ты поднимаешься с пола на ножки, задрав сначала свою попу кверху, потому что она перевешивала тебя то и дело назад, опираясь ручонками о пол, вниз головой. Он прозвал тебя «страусёнком». Дети могут так подолгу стоять. И им ничего не делается. Забавно. Он называл тебя страусенком.

Он любил нюхать твои жиденькие волосы, слушал твои посапывания, как песни и почти плакал, когда ты накрепко зажимал своей маленькой ручонкой его указательный палец, не желая отпустить его от себя. Помню, если ты вот так сжимал его палец, а потом засыпал, он боялся отпустить тебя, освободиться и вы сидели, слившись в единый комок, пока ты не проснёшься, куда бы он не спешил... Наш Отец.

Потом он ушёл от нас. Ты помнишь, конечно. Тебе было уже восемь.

Он не умел хватать, красть, вырывать кусок, как все вокруг, не умел врать, юлить, приспособливаться. Не умел говорить «нет». Потому ему никогда не удавалось быть успешным, наверное. Так это называется. Заиметь много денег, чтобы было много денег. Я говорила ему, что «и так хватает». Но он всегда хотел большего для тебя, для меня, для нас. Хотел, чтобы мы не нуждались. И жили так, как мечталось когда-то.

Всё наше время, вся наша жизнь уходила на то, чтобы мы могли расплатиться за неё. Так, будто при рождении мы заложили собственные жизни в ломбард под огромные проценты и теперь должны выплачивать их каждодневно, чтобы вернуть обратно свою судьбу. У одних это получается сделать очень быстро, другим удаётся расплатиться за свою жизнь к её середине, но большинство трудятся до самой смерти, так и не успев пожить. Мы не знали, как жить «по правилам» и продолжали говорить правду, заме-

чать хамство и бороться с ним, кричать, когда было больно, плакать, когда становилось невыносимо грустно, и застывать посреди улиц при виде чего-то прекрасного...

3. Два раза

Как всегда на каникулах я поехал в деревню. Был мой год. Значит, мне было двенадцать. Это логично. Год петуха. Если честно, мне не очень-то нравится мой знак по китайскому гороскопу. Вот, если бы тигр или дракон? Сейчас тоже мой год.

Я прокручивал эту сцену уже много раз. Слышал из маминых уст ещё больше, когда она рассказывала её всем родственникам, друзьям и всяким другим «сочувствующим».

Я прокручивал её уже слишком много раз, потому расскажу максимально коротко. Мы побежали с ребятами на реку. Один чувак сказал, что нашёл новое клевое место, откуда можно круто понырять. Меня не было в деревне целый год. Ребята шутили надо мной, что я загордился, стал обычным «городским ссыкуном». Меня никто не просил и не подталкивал. Я просто решил доказать свою смелость. И прыгнул первый. Задрал задницу, вниз головой, как страус. Теперь я тоже, как страус – птица, не способная летать. Зачем тогда быть птицей? Если бы не фантазия, если бы не мои путешествия. Нет, всё-таки мне повезло больше, чем этой несчастной птице.

Я прыгнул первым. На неглубоком дне лежал металлический обломок от старого кузова. Я превратился в круги на воде.

Вынырнул обратно только через пять дней. Несколько суток я был в коме. Мне сделали операцию. Мне поставили первый диагноз: «Перелом шейного отдела позвоночника с повреждением спинного мозга».

После долгих странствий по врачам психотерапевт прибавил второй: «Регрессия, психологический инфантилизм».

Потом ещё многое разъяснял маме в кабинете, а я подслушивал:

«...может оно и к лучшему... все невзгоды и лишения, а я буду с вами откровенен, их ждёт вас немало, он будет переносить с присущей детям непосредственностью и стойкостью... знаете ли, дети ведь намного сильнее нас... взрослых...»

Инфантильный инвалид. Звучит по-дурацки.

Вот и вся история.

Сначала казалось так, если бы я надел другую голову. И вижу чужую жизнь. Плакать не хотелось. Хотелось вырваться из себя, как из грязной одежды. Встать. Убежать на реку. Стоять там и смотреть в муть воды и решить не прыгать, а пойти в дом. Поесть бабушкиных блинов, драников, попить чаю или холодного квасу. Потискать котов.

Встать я не мог. Моё тело застыло. Оледенело. Стало камнем. Не моим. Совсем неправильные сравнения. Правильных и не подберёшь. Всё целиком. Представляете? Вряд ли. Никаких ощущений. Пропала речь. Движений тоже нет. Ног, рук, живота, шеи. Нет. Только глаза.

Они взяли на себя всё. Они мёрзли, когда было открыто окно, они уставали общаться со светом, потому что не закрывались целый день. Кажется, я даже моргать стал реже, чтобы больше успеть увидеть, впитать. Но не когда меня приходили навещать, ведь я научился говорить глазами:

«Митенька, здравствуй!» – и я улыбаюсь ими, подмигиваю: «Привет, ба».

«Митька, ты тут шикарно устроился! В школу не нужно лазить» – а я... – «Смотрите-ка, он смеётся! Честное слово ребзя, у него такие же глаза, когда он смеётся!» – смеюсь.

«Тебе больно? Не терпи?» – я моргаю один раз, и девочка медсестра выжимает шприц чуть медленнее.

«Я вижу тебе грустно. Я чувствую, как тебе одиноко в твоём коконе. Я могу не уходить. Хочешь я останусь ещё на одну ночь? Здесь. Рядом с тобой?» – говорит мама и я моргаю два раза, я говорю ей – «Нет, не надо!...ты и так уже устала. Ты моя самая любимая. Мама, я очень тебя люблю! Я боюсь. Мама, я хочу умереть. Я не хочу тебя больше мучить! Я боюсь. Мамочка, я хочу, чтобы ты никогда не уходила, никогда! Иначе я умру! Я очень люблю тебя мама, очень... я не хочу умирать... не хочу» – я моргаю два раза, но она всё равно остаётся. Она знает наш язык.

И всё равно остаётся.

4. Всё довольно просто

Он продолжал подсовывать мне самодельные ювелирные конвертики с записками в карманы халатов, одежд праздных и будничных, под подушки, в холодильник, сумки и пакеты, ящики, книги, тапочки. Хитро упрятывал их в забытые места нашей квартирке и бывало я находила их лишь спустя несколько месяцев. А он смеялся тогда в голос, рассказывая о том какая я рассеянная, потому что иной раз «смотрела прямо на них и не замечала».

Мои карманы стали сокровищницами, где всегда можно было найти клад. Настоящий клад. Понимаешь? Его простенькие признания, шутки – всего несколько слов:

«Мне очень нравится, как мы вот так спим втроем в обнимку – на одной крохотной кроватке: ты, я и наш маленький кусочек».

«Всё довольно просто: я – твой, ты – моя, он – наш, а мы – его. Каждый друг для друга. А как иначе?».

«Твой смех. Ты смеёшься.

Громко, беззастенчиво. Приходишь и рассказываешь что-нибудь, захлёбываясь словами, как ребёнок, улыбаешься как-то по-своему – больше глазами, а я совсем не слушаю «их», но смотрю на твои губы. Как они приоткрываются, иг-

рают, как они радуются сами по себе и радуют всех вокруг. Ты замечаешь это и делаешь вид, что обижаешься, но на самом деле ещё больше смеёшься.

Ты смеёшься. Твой смех.

Твои глаза, твои губы, охваченные самостоятельной улыбкой... я вижу это каждый день. И потому и живу».

«Мне нравится, что твои глаза умеют говорить на тайном языке. Только с нами».

«Посмотри! Вот прямо сейчас пока читаешь, подойди к нему. Посмотри на него. На наше крошечное чудо. Видишь. Он необыкновенно прекрасен. Это – ты».

«Я твой. И нет меня без тебя».

«Привет! Я почти что уверен, что пока ты в который раз с мокрыми глазами умиляешься моему сюрпризу (хотя давно пора бы было уже к ним привыкнуть и не обращать на них и малейшего внимания) – на кухне, уличив момент, как всегда втихую, убегает под стол какая-нибудь еда из кастрюлей!

P.S. растягивал предложение, как мог, чтобы побег удался»

«Я твой».

Я ждала их. Я привыкла. Делала вид, что мне всё равно. И начинала волноваться, если не могла обнаружить их дольше обычного. Я знала, что когда они закончатся – угаснет нечто важное. Но каждый раз он давал мне подсказки и они обязательно находились вновь. И я была счастлива. Так он помогал мне, так давал сил, которых не хватало так же, как не хватало терпения, денег, банальных удобств, времени, чтобы проводить его с тобой, простого благополучия...

Наверное, мужчине намного труднее оставаться собой в обществе, где существует слишком много нелепых правил, которые нужно выполнять только для того, чтобы оставаться «мужчиной». Твой отец долго плевал на эти условности. Все его друзья «выбились в люди», заимели автомобили, много кредитов, больших плоских телевизоров, на которых держались стены их домов. Они ездили в Турцию или Египет каждое лето и смеялись над его зарплатой, его увлечениями, его умом, его прямоотой, из-за которой он вылетал с работы ни раз, потому что всё это никому не было нужно и плохо продавалось. Они смотрели на него, как на юродивого и с жалостью умилялись его чрезмерной доброте, отсутствию у него множества тех вещей, которыми обладали они. Тех вещей, что по их мнению и должны составлять жизнь «нормального человека».

И всё же материальный мир, реальность ему принадлежащая, сильнее веры, сильнее правды, сильнее людей. Через

несколько лет он сломался. Не вынес давления. Как и любое твёрдое, стойкое тело, даже самый прочный металл. Та маленькая реальность, что он создал для нас своими руками не выдержала натиска реальности человеческой.

Я нашла его последнюю записку спустя несколько недель после того, как он закрыл дверь в последний раз:

«Вы заслуживаете лучшего. Это жизнь не для меня. Я не умею её жить. Если бы я не ушёл, то покончил бы с ней. Покончил с собой. Но кому от этого стало бы легче?

Никогда не прощайте меня!

Люблю.

Простите».

5. Путешествие первое

Прошло время и стало лучше. Лекарства, массаж, операции, физкультура, мама. Прошел шок, стресс. Я заговорил. Меня стало больше. Через несколько месяцев у меня появилось лицо, шея. Потом руки. Ещё чуть позже грудь.

Спустя пару лет я восстановился почти наполовину. Если быть точным, то всего на процентов тридцать, конечно. Всё, что ниже груди по-прежнему отсутствовало напрочь.

Знаете ли, это очень приятно – шмыгать носом, чесать себя самого, трогать лицо. Раньше я и не знал, как это по-настоящему офигительно! – хрустеть шеей, шевелить ею, болтать головой, как захочешь; танцевать плечами, поднимать их по максимуму, а потом бросать вниз, выпячивать лопатки, как крылья, и выгибать грудную клетку вперёд так, чтобы на спине образовалась ложбинка. Ну и потом, конечно, писать, читать, держа теплую шершавую обложку книжки своими руками.

Трогать. Трогать. Трогать!

Трогать всё подряд, ощущать кончиками пальцев вещи – вообще замечательно! Моё вернулось ко мне – и я был счастлив.

Вот только после пришлось ещё труднее, чем раньше. Мой выздоровительный скачок вселил в меня надежду, да я был почти уверен, что скоро восстановлюсь на все 100%! Но это-

го не произошло. Поясница, таз и главное ноги отказывались работать. Их нет у меня до сих пор. То было даже не разочарование. У меня случился какой-то коллапс в душе. До этого я верил. Невзирая ни на что, я верил, что меня все-таки ждёт иная судьба, верил в себя, свои силы, в свои ноги. А они все предали меня одновременно. Что-то остановилось. Словно кончился завод механизма. Спина перестала распрямляться, что значит оживать. «Я разогнусь!» – говорил я себе. Я ошибался.

Мамы нет уже больше часа. Я позвонил на сотовый и он забрендел в её комнате. Спасительный голос на фоне шума дороги отменяется. Остаётся сплошное ожидание и меня начинает колбасить.

Я перестаю смотреть на стену. Устаю думать и говорить с собой. Так надо. Опустошить башку. Подготовительный этап закончен. Я понятия не имею, куда собираюсь, потому что просто иду с ней. Я закрываю глаза. И отправляюсь в путь:

– Митя, просыпайся!

– Угу.

– Митя. Ми-и-тя! Митя вставай! – она продолжает, как заведённая, и я, конечно, поднимаюсь раздражённый и злой. Неужели она не понимает, как это тяжело отклеиваться от сна. Больше всего страдают глаза. Их просто не разлепить. Здесь нужна выдержка, как в фотоаппарате, а она требует, чтобы я вскочил как неживой.

Я встаю с кровати и украдкой бегу в туалет, потому что у меня трусы топорщатся, как всегда с утра. Мама заставляет умыть лицо холодной водой, говорит, что это полезно. Может быть и полезно, но до чего же неприятно.

Мы садимся завтракать. Мама достала вчерашних драников и наготовила свежих творожников. Сделала чай. Мне остается лишь плюхнуться на стул. Поставила мёд и сметану на выбор. Но я ем всё подряд.

– Сегодня выйдем пораньше. Мне нужно успеть во много мест.

– Ладно, – говорю я сварливо и ликую. Много мест – это прекрасно!

На улице март вроде, но ещё морозно. Так часто бывает. Я, понятное дело, не хочу надевать подштанники. Заходит мама. Я надеваю подштанники. Натягиваю вторые штаны сверху. Напяливаюсь, как капуста: майка, рубашка, свитер, и не поймёшь, что куда заправлено.

Мы закрываем дверь. Я слетаю по порожкам первый, чтобы покорчиться у домофонной двери, выпуская её так, будто я швейцар,

Мы идём рядом. Я не держу её за руку. Уже давно. На нас не смотрят и я иду, как хочу.

Пешком. Обязательно пешком. Никаких троллейбусов и бубнящих бабуль.

Чтобы выйти с подворотни на улицу, приходится обходить дом с дальнего угла, потому что ближний ход перекрыт

огромной мерзкой грязевой лужей! Мини озером, извечно возникающим по весне.

Сперва мы заходим в аптеку. Там пахнет бинтами. Не могу надыхаться. Медицинские запахи. Я к ним слишком привык и потому полюбил. Не больничные столовые – это важно!, но исключительно лекарственные и процедурные. В больничных столовых пахнет кислой капустой, йодом, старостью. Удивительно. Во всех больницах и всех городах – один и тот же в схожести до миллиметра запах.

Мама закупает цитрамону, таблеток от давления, йода, гематогена. Последнее – мне, конечно.

– Вот это надо всегда иметь про запас, – говорит она на выходе.

– Ага! – я бестолково соглашаюсь, занятый вовсю борьбой с гиперсладкой и вязкой плиткой гематогена.

Потом мы идём в банк платить за квартиру. Брюки сзади, как всегда, уже вымазаны от брызг до самой задницы! Мама ругается: «Как же так можно ходить?» «Не знаю», – я и сам бешусь, ведь штаны только из стирки.

В очереди я узнаю много нового:

«Белазы обладают грузоподъёмностью до 170 тонн! В Иркутске на разработках полезных ископаемых водители белазов зарабатывают аж по семьдесят тыщ! Их плотно кормят, снабжают витамином С, чтобы не было цинги и через два года работы отправляют в отпуск на 6 месяцев».

Несомненно, теперь я хочу быть водителем Белазы.

Ещё...

«Если бы Столыпину дали осуществить реформы до конца, то всё было бы хорошо»

Но —

«...если бы не Сталин, то войну бы мы не выиграли ни за что!»

А также:

«Пугачёва не спит с Галкиным... Но вот наш губернатор со своей молоденькой секретаршей вполне возможно... фильм про Высоцкого говно и вообще сразу понятно, что это опять Безруков... весной будет кризис... летом жара... осенью... осенью...»

Может быть и ничего не будет? Только вот, как тогда прожить без новостей?

Я бывалый стоический участник очередей: больниц, поликлиник, социальных служб, администраций, рынков и магазинов. Раньше, когда мама чаще брала меня с собой, я мог подслушать десятки чужих жизней, побывать в них самую малость. В этих забавных разговорах могли обитать здесь по соседству с великими простые люди. Совсем рядом. Так плотно, что иногда зарождается что-то новое. Как Вселенная

во время большого взрыва! Анекдоты, страшные подлинные истории, пророчества, слухи и сплетни, легенды и мифы, целые миры – все в одной куче: и простой народ, и президенты, и благодетели, и террористы. Как ни странно, я любил очереди...

Вот и сейчас, отстояв полуторачасовую, мы в награду получаем грудку бумажек, которые мама сжимает скрепкой. Кладёт их в файл, и мы движемся дальше. К центру через мост, по которому раньше ходили трамваи. По тротуару, выложенному булыжником.

Мы заходим к маме на работу. Сегодня не её смена, но «Валька обещала отдать долг». Я жду в подсобке магазина. У Вальки в этом месяце много штрафов и потому она отдаёт лишь часть суммы – это значит сегодня никакого «Альпин Гольда» вечером с чаем. Да ну и хрен с ним! Мама не ругается. Не расстраивается, не сердится на подругу. Это нормально.

Мы идём в магазин за едой, за туалетной бумагой «зайка», которая что наждак, за чаем, кофе, молоком, зубной пастой и «Альпин Гольдом», конечно. У неё всегда находится небольшая заначка. Мы будем пить горяченький чай со сладким, как любим. Вместе. Вдвоём.

– Спасибо! – я.

Она улыбается как-то по своему – больше глазами, а губы

очень, очень забавно посмеиваются отдельно... будто сами по себе.

Мне кажется, что глаза говорят с самыми близкими, а с помощью языка, рта, губ рождаются нужные слова для окружающих. Так остаётся нетронутой сокровенная тайна влюблённых сросшихся душ и сохраняется обычный порядок среди чужих друг другу людей.

Потом мы гуляем. Просто так. По парку. Иногда заговариваем о книжках или фильмах. Молчим. Она останавливается и смотрит на небо. Говорит:

– Знаешь, а ведь свет такой разный. Постоянно. Каждый день, даже если стоит безоблачная погода, он отличается от самого себя прежнего. Порой достаточно посмотреть на него под определённым углом, заметить его переменчивость и он уносит тебя в какие-то далёкие воспоминания или чувства – туда, где свет когда-то был таким же. Такое вот путешествие во времени. С помощью света. У тебя бывает такое?

Я не знаю, как ответить. Но ощущаю, что ощущаю, о чём она говорит. Я знаю, что это, когда за окном зима, а свет лётся не прозрачно-матовый и свёрхяркий в отблесках, а лёгкий и цветной, как летом, и вот ты уже в деревне на каникулах.

– Бывает.

Мы возвращаемся домой. Нас не было несколько часов. Мои ноги приятно ноют от долгой и полезной ходьбы и я

усталый закрываю глаза и плюхаюсь всем весом на кровать, где я лежу сейчас... где открываю глаза. Моё путешествие окончено.

И я по-прежнему один.

6. Жалость – это камень

Я простила его. Злилась и кляла, но простила. Очень скоро. Наверное, потому что давно предчувствовала и, затаившись, ждала. Не послушалась, в общем.

И потом снова ждала. Надеялась, что он вернётся.

Я и сейчас его жду. До сих пор сердце легчает на секунду, теряет вес, как в вакууме, когда вижу в толпе знакомую фигуру. Незнакомца, похожего на твоего папу. Только-только. Совсем не похожего, по честности. Глаза выдумывают схожесть, а я подчиняюсь им сознательно. Потому что сердце тогда отпускает и я выдыхаю.

Самое болезненное в жизни это разрыв. Когда сросшиеся души разрывают надвое беды и обстоятельства – обстоятельства и есть наши главные беды, то обе половинки начинают медленно угасать до полной гибели. Но не бывает такой силы – способной устранить незримый клубок нитей окончательно, тех сосудов и вен, что питали прежде единый организм. Они натягиваются, но не рвутся. Так и мы с твоим отцом остались связанными. Навсегда. Я «слышу» его сердцем. Даже если человека уже нет в живых – связь остаётся, куда не уйдёт второй. Таков закон.

Потом обстоятельства и страдания принялись мучительно разрывать нас с тобой. Беды сплывают какое-то время, но после...

На первое место вышла твоя... болезнь. И ты и я отдавали все силы, внимание, разговоры ей. И скоро вместо любви к тебе у меня остались только долг и жалость. Мне стало противно быть собой! Я пыталась заставить относиться к тебе, как прежде до болезни, но смотрела на то, как ты лежишь в кровати и радуешься лишь тому, что можешь немного пошевелить головой, руками пока твои друзья во дворе гоняют мяч, слушала, как ты врѣшь бабушкам по телефону, рассказывая о том, что почти здоров, что можешь сидеть, подниматься самостоятельно, и рыдала. Я не понимала, откуда берѣтся у тебя столько мужества и почему его нет у меня. Я жалела тебя, а жалость не должна быть первее любви. Настоящей материнской любви. А любить из жалости... разве ты родился для этого?

Проклинала здоровых детей. Не понимала, чем эти «заурядные, тупые выродки» заслужили лучшей судьбы? Так я их называла. Так злилась. И желала порой, чтобы с ними случилось то же самое... это ужасно.

Я завидовала «нормальным» семьям. Завидовала себе прошлой. Когда могла гулять, играть с тобой и посвящать время себе. У меня были увлечения. Я была красивой. Нравилась мужчинам. После твоего отца у меня были отношения. Может, я пыталась таким образом отомстить ему или что-либо доказать? Неважно.

А потом ты сросся с кроватью окончательно. Тебе исполнилось восемнадцать. Мне всего сорок четыре, но я каза-

лась себе старухой. Я ненавидела себя по всем статьям. Моя жизнь, моя бесчувственность, мой эгоизм, злоба, зависть, ненависть, моя преждевременная старость, моя жизнь, мой сын. Да, я ненавидела себя и за тебя. За то, что родила тебя. Именно тебя. Связав наши несчастные судьбы. Подарив тебе такую несчастную жизнь. И не знала, как избавиться от этих мыслей. Я выедала себя изнутри и всё чаще притворялась. Улыбалась, ходила быстро и будто бы легко, отвечала чаще «хорошо», нежели «нормально» и совсем никогда – «плохо». Но в душе было всё наоборот. Сердце стало слишком полным, как камень. Жалость – это камень. Жалость без любви. Чувствовать (что угодно) – легко. Думать об этом – тяжело.

Я устала, выдохлась, почувствовала вдруг, что предаю тебя смертельно, непростительно. Захотелось бежать. И забыть обо всём на свете. В том числе и главное о тебе.

7. Путешествие второе

Я хочу видеть свет и трогать мороз и есть снег. Хотел. Изредка у нас получается погулять. Очень редко. Мне жалко её и потому на вопрос, который звучит всё реже: «Хочешь, погуляем?» – я отвечаю, из всех сил притворяясь искренним: «Конечно, нет! Чего я там не видел», – всё чаще слыша тишину, согласное молчание, вместо прежних приятных уговоров.

Подошло время обедать. Нет мамы – нет обеда. Логично. Я не голоден. Не страшно. Прислушиваюсь то и дело к дверному замку. Его щелчок – моё спасение. Дверь молчит, молчат стены. Интернет достал. Нашел, что дети.. то есть взрослые, которые стали инвалидами ещё в детстве с похожими травмами и диагнозом редко доживают до тридцати.

Мне 24.

Включаю ТВ, чтобы не думать. В случае чрезмерного напряжения мозга – жмите на кнопку. Превосходно помогает.

Там:

1. Обручальное кольцо. Сериал.
2. Ефросинья. Продолжение. Сериал.
3. Вести

Чуть задерживаюсь на канале, чтобы по бегущей строке узнать стоимость доллара. Зачем? Да, просто так. Знать, что что-то меняется.

4. Обзор. Чрезвычайное происшествие.
5. Виола Тараканова в мире преступных страстей. Сериал.
6. Любовь-морковь. Комедия.
7. «Мой друг зонтик», «Чуня» и т. д. Мультфильмы.
8. Дом 2. Lite.
9. Следаки. Сериал.
10. Я против! (Прямой эфир)
11. Дорожные войны.
12. Биатлон. Чемпионат мира.
13. Хочу ребёнка. Мелодрама.

Тут главное не увлечься.

14. Каникулы в Мексике 2...

И такие передачи не позволяют мне этого сделать. Кстати, после просмотра телевизора не обязательно гипнотизировать стену, чтобы опустошить башку перед дорогой.

«ВЫКЛ».

Мамы нет уже часов шесть. И я собираюсь в новое путешествие:

«Я иду её искать. Я иду возвращать её домой. Ко мне. Собрался спешно. Подбирать фасоны нет времени, что если она в беде? Вдруг ей стало плохо или остановилось сердце, пьяный убогий подросток ударил её или она попала под машину или в руки какого-нибудь психа? Интернет кишит подобны-

ми случаями! Я должен спасти её. Это логично.

Я беру немного денег, телефон, паспорт, свинцовую гирьку против гопников – она удвоит силу удара, помню, так говорили мои друзья во дворе.

Нужно действовать быстро, ведь скоро начнёт темнеть, что затруднит поиски. Я бегу по луже, утопая в грязи, плевать на одежды и пусть на меня смотрят, как на психа – ноги для того и нужны, чтобы преодолевать препятствия, а не обходить их!

Чего бы с ней не случилось, вряд ли помощь придёт со стороны. Я мчусь по дорогам, запрыгиваю в трамвай. Он едет слишком медленно! Откуда я знаю куда идти? Не знаю! Просто бегу, доверяясь интуиции, решаю, куда завернуть в последний момент, не зная что ждёт меня за углом.

Я спрыгиваю с трамвая через три остановки – к продуктовому рынку (я пробегаю его насквозь, не думая – по привычным координатам, проверенному нашими ногами пути. Её нет) – за ним галерея (где я был однажды с отцом, вместо последних уроков тайком от матери), и я вокруг, и я за неё (так через двор короче) – супермаркет кишит чужими людьми («вы видели, вы видели? – может с утра, может днём.. здесь... не было моей мамы»? – никто не знает) – длинная ровная, спокойная и монотонная, как древняя почти иссохшая река, узкая улица городского бульвара отнимает не мало сил у пешего, а я бегу! (десятки лавочек, скрепками держащие контуры проспекта, чтобы те не расползлись

на дорогу и в грязные дворы, усеяны людьми всех возрастов, дурацкими декоративными собаками, не понимающими, что с ними происходит, бутылками, обёртками, пьяными телами – всем, чем угодно, кроме неё... усталой)

куда она спешит, зачем бежит от меня?

потом – до конца, упираясь в переход, почти стёртый на гудящем потоке (отдышка, нагнувшись, руками в колени) – сквер героя Гуртьева с засахаренными после вчерашней оттепели и утреннего морозца деревьями, снова приваивал своей лыжнёй пару спортсменов – городская площадь пуста – её дворы и закоулки – огромный академический театр, избавленный от безвкусных колонн – к бронзовому Бунину, что стоит, скрестив руки, на городском холме – нет, нет, нет! – к музею, но скорее закуской рядом со старыми добрыми беляшами, через мост, под которым мёрзнут утки вбок.. вниз.. к реке к стеле и вдоль реки (тихое уютное место) до раскидистой ивы, нависшей прямо над водой – перешел мост и на старую Ильинскую улицу с её развилкой и множеством магазинов, танком на постаменте, сквером (когда закончатся силы, я отдохну там, на деревянной скамейке) – обратно по Болховской к любимому театру – в парк, за ним, где в центре какой-то памятный камень, как кусок астероида и дальше – по самой протяженной Комсомольской (заглядывая каждому в глаза, не пропуская прохожих, витрин, отражением в которых вдруг застряла она) до автовокзала – потом на маршрутку и обратно до – железнодорожного, с кото-

рого ещё можно будет уехать домой в случае неудачи...

Нет. Нет. Нет!

уезжаю.

Я открываю глаза, которые не желают пускать слёз. Да, они блестят, но потому что устали. Голову снова кто-то колит, как орех. К вечеру, постоянно к вечеру. Стемнело. Похолодало. На часах почти восемь.

Её нет.

Альбом «The National» 2005-го на репите.

Обычный денёк превратился в рассказ с непонятной развязкой. Но только не для меня. Я всегда угадываю конец! И вот и теперь: я беру ручку, отрываю клочок бумаги от журнала – глянцевого лист не принимает чернил – и тогда я пишу на ладони. На левой ладони, над и вдоль линии судьбы я записываю свой вариант завершения необычного дня моей скучной лежачей жизни. А говорят ещё «под лежащий камень вода...»

Моей жизни.

8. Все повторяется

Знаешь, в последние несколько недель я вспоминаю твоего отца все чаще. Все чаще я вижу в тебе его. Ты вырастешь и вы становитесь все больше и больше похожи. Все повторяется. Безвыходно, без вариантов. Не знаю плохо это или хорошо. Мальчик всегда живет в мужчине. Мужчина в мальчике. Твой отец так и не вырос когда то, так и не повзрослел и потому не смог жить по правилам. А ты... После нашего несчастья мне казалось порой, что ты в свои двенадцать лет намного мудрее, сильнее, бесстрашнее большинства людей, проживших много дольше, чем ты. И в то же время – ты вечный ребенок. Идут дни и я замечаю, как ближе к концу... ты... ты будто бы возвращаешься обратно к детству. Как это случается у стариков.

Митя, я теряю тебя! Теряю тебя, также как когда-то потеряла твоего отца. Но он ушел стремительно. В один миг не стало его, словно умер, а ты покидаешь меня медленно, мучительно. Угасаешь на моих глазах. И ты не представляешь, как я счастлива, когда поутру, заходя к тебе в комнату слышу, как ты дышишь, вижу это. Да, каждый день я ликую от того, что ты проснулся. Каждый новый день, которых становится у нас с тобой все меньше и меньше.

Нет, я не выдержу твоей смерти. Я не смогу и взглянуть на тебя мертвого (Господи, какое же страшное слово!). И еще

и потому ухожу.

Много причин я привела, правда? И все они ничтожны. Но сердце требует оправданий, чтобы продолжать биться. Лучше запомнить тебя живым, улыбающимся, несмотря ни на что всегда радостным. Как же тебе это удастся, мой милый мальчик? Мой сын. Быть таким сильным. Уйти, выдумав себе историю, где ты будешь жить всегда, пока жива я. Книжка с белой безымянной обложкой, где все мы вместе и счастливы.

Однако с некоторых пор и в твоих глазах я тоже начала замечать это угасание. Почти каждый день ты смотришь куда-то в стену, а потом лежишь, не шевелясь, с закрытыми глазами, но я знаю, что ты не спишь. Ты уходишь в себя. Куда-то очень далеко. И я боюсь, что когда-нибудь ты не вернешься оттуда, даже если я буду рядом.

Да, в последние несколько недель я вспоминаю твоего отца все чаще. Вспоминаю тебя здорового, всех нас в то время, когда мы были вместе и словно переносимся в тот короткий светлый отрезок нашей жизни. Я будто бы пытаюсь скрыться в прошлом от настоящего. Более того, мне хочется вернуться в прошлое и, нет, не сделать так, чтобы все было по-другому, а просто остаться там жить навсегда, в этом одном моменте и чтобы ничего не менялось, не двигалось вперед. Да, время лечит, но и многое, очень многое рушит и отнимает. В конце концов, оно просто забирает самое себя у нас. Так пусть лучше время не начинается вовсе, не рождается, пусть

его совсем не станет.

Наверное, я схожу с ума, но иногда я думаю, что могу ещё найти твоего отца, воссоединиться с ним и этот момент тогда станет билетом в прошлое. Я представляю, как, встретившись, мы пойдём с ним, взявшись за руки, в нашу первую маленькую квартирку. Мы называли её «коробочкой», когда только начинали снимать, ты был ещё совсем маленьким. Ключи чудесным образом отыщутся во внутреннем кармане его пальто. И в квартире, конечно же, никого не будет. И вся обстановка будет прежней, той самой, какой сделали её мы. Даже запахи те же. На выходных мы любили печь шарлотку. На кухне всегда еле слышно играло радио «Маяк» с этой ностальгической мелодией из песни «Подмосковные вечера» на заставке перед новостями. В окно спальни льет свет. В доме становится сразу же намного теплее, чем на улице. И потому нас слегка размаривает. Совершенно ничего не хочется делать – ни есть, ни пить, ни разговаривать. Вокруг витает какое-то осязаемое блаженство и нам достаточно того, что мы есть, что мы рядом, можем дотронуться друг до друга. Мы раздеваемся, ложимся в постель и просто засыпаем в обнимку. А проснувшись поутру, я понимаю, что чудесным образом оказался в раю. Мы молоды, мы вместе, тебе всего лет шесть не больше. Воскресное утро, ты неуклюже, как медвежонок забираешься к нам в постель. Выходной и мы с чистой совестью позволяем себе поваляться в кровати дольше обычного. Вот так втроем. И вроде бы ничего не происходит.

Совсем ничего примечательного, но я ощущаю себя беспричинно и бесконечно счастливой. Потому что мы единое целое в этот момент. В этот миг мы – бессмертны!

Рай – это прошлое, это застывшие теплые сердцу воспоминания.

Знаешь, существует такая теория, что пространство и время существовали всегда, что все повторяется в каком-то бесконечном цикле. И возможно, мы с тобой живем, такие, какие есть сейчас уже в тысячный раз и столько же ещё будем. А это значит, что спустя миллиарды лет у нас будет ещё один шанс. Ещё одна жизнь, которая возможно сложится чуточку иначе. А может и будет такой же – какая разница, главное, что мы обязательно встретимся вновь.

Помнишь, несколько дней тому назад тебе снился сон про птицу? Так вот этой птицей была я. И я чувствую, что ты это тоже понял.

Тогда я не дала тебе ответа на твой вопрос и потому хочу сделать это в моем письме: может быть спустя долгое время, может быть в следующей жизни, но...

Да, мой мальчик, птицы всегда возвращаются.

Все повторяется, мой милый мальчик, все идет по кругу.

9. Прошлое не умирает

Прошло уже шестнадцать лет, как папа ушел от нас, но я отлично помню его. Вернее, все в нем кроме лица целиком, кроме готового образа, понимаете? Большие темные глаза, что никогда не юлили, не ходили из стороны в сторону – он всегда смотрел глаза в глаза и меня так учил; густые черные волосы, которые слегка завивались сзади за ушами, если он долго не стригся, теплые ладони, что всегда пахли газетной краской. И эта манера шутить с очень серьезным, просто каменным видом, отчего становилось ещё смешнее. Сутулость, острый кадык, вызывавший потаенное отвращение и, конечно же, здоровенный крюк носа, над которым мы вечно смеялись всей семьей. Но стоит попытаться собрать все в кучу – камера внутреннего глаза – того, что обращен к памяти, моментально сдает в фокусе и от отца остается одна мутная размытость, заключенная в абрис.

Мама говорит, что я очень на него похож. Наверное, она права.

В последнее время, я все чаще думаю о нем. Я представляю, как он возвращается. Возвращается, чтобы забрать нас с мамой отсюда – с этой постели, которую я ненавижу, из этой квартиры, из этого города, страны, мира! Маме стало бы в сто раз легче тогда со мной. Да и мне тоже.

Я часто вспоминаю один момент из детства. Мне было

лет шесть, не больше. Это был прекрасный весенний денек. Один из первых по-настоящему теплых. Было воскресенье. Я встал поздно – часов в одиннадцать и удивился, почему это меня ещё не разбудили! Оказалось мама с папой сами ещё залеживаются в кровати. Я украдкой заглянул к ним в спальню. Мама была прекрасной и сонной, а отец уже листал какую-то книжку. Они лежали под одеялом. Мама увидела меня и звонко рассмеялась, слегка запрокинув назад голову. Она была ещё заспанная и такая красивая!

– Маленький шпион! – сказала она, и позвала меня к ним.

Я завалился, как медвежонок, прошелся отцу по животу, конечно же, специально. Чуть не смял листы книги, из-за чего папа громко цыкнул, но не сердито, больше смеха ради. И прижался к маме, завалившись между ними в белоснежное согретое их сном белье. Свет лился в окно. Было тепло и спокойно. Мама обняла меня, переглянулась с отцом и они загадочно улыбнулись, словно мысленно сказали друг другу, что-то приятное. Мы молчали. Время текло очень медленно. Ничего не происходило. Совсем ничего примечательного, но я ощущал себя тогда максимально живым и бесконечно счастливым. И от того как будто бессмертным.

Прошлое не умирает. Кажется, в нем мы будем вечно, мы остались там жить навсегда. У меня есть такая теория, что прошлое не просто проходит, оно не исчезает, не стирается временем, а где-то остается, словно записывается и храниться на жестком диске. Оно продолжает жить и мы вме-

сте с ним. Вернее, множество нас в каждом из таких замечательных мгновений. И знаете, мы там, в этих остановившийся мирах прошлого не воспринимаем свою жизнь, как «день сурка». Наоборот, наслаждаемся им. Как мы, например, наслаждаемся удачной фотографией, запечатлевшей нас в радостный момент – навсегда застывшие с улыбками на лицах, веселыми глазами. Мы же можем обращаться к такой фотографии тысячи раз за жизнь и никогда не переживаем, что на ней со временем ничего не меняется, что мы там такие же живые, нас это вполне устраивает, нам нравится это.

10. Письмо

Одевалась в холоде. Рано и не слышно. Ушла как вор, не хлопая дверью. Как трус. Не заходя к тебе в спальню. Последний раз я запомню тебя вчерашним. Когда ты, улыбаясь и хвастаясь – одними глазами, сгоняя тень улыбки с бледных губ, рассказывал мне что-то новое из Интернета.

Я люблю тебя. Люблю. Ещё люблю. И потому не могу не уйти. По-дурацки звучит. Страшнее всего понять, что её больше нет. Почти нет. Это как носить мёртвое дитя – чуя сердцем, но, не признаваясь себе до последнего.

Самое жуткое для меня, когда ты окончательно станешь моим – долгом – уделом – крестом! Мой крест. Отчего эти слова звучат так страшно? Потому что нести крест, не желая телом избавления, сердцем не ища успокоения, не переступая через волю, не притворяясь, не изнывая от ноши – невозможно. Способен ли на такое человек, не лукавя, не страдая тайком, не желая в слезах иной участи? Ведь такое лицемерие хуже убийства, хуже любого предательства! Способен ли на такое человек...

Я взяла с собой денег. Паспорт. Схватила ручку, твою фотографию... из первого класса, где ты без одного зубика, и папины записки. Всю охапку. Забила ими сумку доверху, бездумно как-то, соломой будто.

Наплевала на гадкую незамерзающую лужу за нашим до-

мом и протоптала, как будто так и нужно, прямо по ней! В холодной жиже по колено. Ты бы смеялся.

Я не знала, куда идти, просто следовала слепой интуиции, какой-то глупой траектории, шла за вспыхивающими воспоминаниями. Проходила и видела и чувствовала, как они сторают за спиной. Уходят куда-то, где уже не больно. Откуда их не достать. Теряла их специально, оставляя рубцы, но продлевая жизнь.

Трамвай подхватил меня случайно. Он вынырнул как-то бойко, что и не откажешь. Мы ездили в нём с тобой. Ты всегда уступал мне место. И другим дамочкам. Совсем взрослому. Они умилялись. Ты раздражался.

Сошлось само по себе спустя три остановки. Арка. Проход. Наш рынок. Тучные тётки только собирали свои палатки. Минула его насквозь. Как обычно. Заглянула чуть в одежду, крюк по продуктам и через цветы и игрушки прочь.

На остановке, что подле картинной галереи, в которой мы так и не побывали с тобой, на ощупь выдернула лист из толпы слов, скомканное тельце одной из записок и решила на их оборотной пустой стороне нашей общей несбывшейся жизни написать тебе письмо.

Хожу, как сумасшедшая. Не могу решиться. Или решила давно, но медлю. В магазине за галереей купила воды. Сделала глоток и сунула бутылку в сумку. Брела, тащилась, заглядывала без мысли, просто так – в магазины, мерила пла-

тъя, сапоги, пообедала в кафе, выпила кофе, кружила и продолжала письмо, где только могла присесть и думала. Думаю. О тебе. О нас. О том, как могло быть.

А дальше по бульвару вниз. Лавки – ни друг напротив друга, а по диагонали. Неправильно так. Так никто не сможет встретиться взором, познакомиться, найти человека. Одни косые взгляды и собственный круг. Пересечения нужны, как на дорогах перекрестки. На них хоть и часты аварии, но как бы мы жили, если бы ходили только по параллелям.

Я присела на одинокую, пустую. И вот пишу. Описала всё до того, как нашла себе очередное место для отдыха. Ставлю точку и иду дальше, чтобы чуть позже написать ещё что-нибудь. Мир большой. Бумаги много. Маленький день. Мало времени. Я тяну до темноты, потому что она скрывает, в ней уже нет смысла скрываться. Жду мрак, который обнажает, который поможет закончить нашу историю.

Я снова здесь. На этих страницах. А значит с тобой, читающим. Возможно, перечитывающим эти строки. Тебе больно? Ты ненавидишь меня? Лучше бы так. Если злишься, когда чувствуешь... значит жив.

Я гуляла по скверу. Где памятник. Там деревья были, словно их посыпали сахаром, подтопили его, а затем быстро сунули в морозилку. Очень чудные деревья бывают на стыке сезонов. Ещё бродила по площади. Люди шарахаются от меня. Они все спешат с – на – в – к – для, а я, как неприкаянная. В одном из заулков удивилась забытому магазинчику

букинистики (думала, он уже закрылся давно), купила тебе книгу. Сначала взяла, не могла не взять, а потом только поняла, что она для тебя. Обернула, как всегда, чтобы вместо обложки был белый лист. Я купила тебе книгу, которую уже никогда не подарю. Но она всегда будет со мной, как символ нашей встречи. Что если судьба сказочным образом сведет нас? Тогда я отдам её тебе вместо слов о прощении. Мне кажется, не бывает не отданных подарков. Они хранятся где-нибудь в ожидании своего человека. Возможно в вечности, может она и существует, чтобы хранить в себе забытые и потерянные вещи, которые рано или поздно найдут своих людей. Ведь эта книга именно для тебя. Да, такие вещи обязательно где-нибудь остаются.

Была на холме. Дошла до закуской у музея и купила маленькую пиццу практически из одного теста и выела серединку. Булку скормила наглým голубям. Мы постоянно делали так с тобой. И с ним.

Купила конверт. Красивый, большой.

Гуляла у реки. Там холоднее. Дошла до самой ивы, где мы прятались на минутку с твоим отцом, чтобы поцеловаться пока ты играл с ивовым прутом. Поднялась на мост и, перейдя речку, натянувшую истончившийся лёд, как кожу нарыв, прошлась по Ильинке. Каждый метр, каждый вид, каждый шум и запах – я сопровождала воспоминанием, картинками из нашей прошлой жизни – вспоминала и стирала, уходя куда угодно прочь. Топила их в воде, забывала, как бы невзна-

чай на лавке, оставляя на дороге, меняла на силы идти дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.